

ЯН СКАЦЕЛ

С чешского *

Что нам оставил Ян Скацел

7 ноября 1989 года, за десять дней до начала «нежной» революции, в Брно скончался Ян Скацел — шестидесятисемилетний поэт, который в сознании соотечественников оставался одним из хранителей идеалов «пражской весны».

Встретиться с ним мне довелось лишь однажды. Мы сидели за столиком кафе Дома писателей в Ленинграде. Ян Скацел, невысокий, черноволосый, смотрел на Неву и говорил о свободе. Прежде всего о свободе слова. В ту пору, в канун «пражской весны», мне казалось, что чешским литераторам можно только позавидовать, но Скацел говорил о все еще существующих цензурных рогатках, о необходимости отмены литературной цензуры как таковой. В то время он был уже известным поэтом и возглавлял журнал «Гост до дому», издававшийся в городе Брно. По-русски этот тоненький ежемесячник назывался бы «Гость на порог» (по пословице: «Гость на порог — Бог на порог»). Название имело литературную предысторию: «Гость на порог» — заглавие первой стихотворной книги Иржи Волькера, в 20-е годы не менее популярного в Чехии, чем у нас Есенин. В своем журнале из номера в номер, с 1964 года и до его закрытия в 1970 году, Скацел публиковал прозаические миниатюры, которые называл «маленькими рецензиями». Произведения этого созданного поэтом своеобразного жанра, полные юмора, лиризма и фантазии, представляют собой нечто среднее между микрорассказом, стихотворением в прозе и мини-эссе (часть их собрана в книге «Одиннадцатый белый конь», выдержавшей в середине 60-х годов два издания). Отправной точкой для построения микросюжета могла быть обыкновенная корова или экзотический ибис, Альберт Эйнштейн или попугай принца Евгения Савойского. Нередко, как, например, в «Маленькой рецензии на овцу», которую читатель найдет в этой подборке, Скацел прибегал к эзопову языку.

---

* ЯН СКАЦЕЛ — Стихи (Перевод с чешского А. Кушнера, А. Пурина. Вступление О. Малевича). Маленькие рецензии (Перевод с чешского В. Каменской) // *Иностранная литература*, 1990, № 11, 65–77.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://imwerden.de>

Не менее красноречива и стихотворная «Маленькая рецензия на похороны стукача»:

Нелегко было бедняге
все о нас знал
и всегда заботился о благе человечества
Заметили вы приятель —
лежа в гробу он походил
на испорченный рентгеновский аппарат?

(Перевод мой. — О. М.)

Ян Скацел — мораванин до мозга костей. Что значит быть мораванином? Скацел попытался раскрыть это в «Маленькой рецензии на моравский гимн»: «Гимн пленительной страны Моравской (которая не является страной) не исполнит даже самая лучшая капелла на свете. Не сумеет. Потому что моравский гимн — это тишина.

Я скажу вам напрямик: моравский гимн — это пауза между «Где родина моя?» и «Над Татрами молнии сверкают»¹.

У этого гимна нет слов. В нем ничего не утверждается, не прокламируется, не навязывается. Он не грустен и не весел. Он состоит из абсолютной тишины, а тишина — сила прекрасная и вещь плодотворная.

И вот, пока другие народы стоят навтыяжку и восхваляют красоты своей страны и возносят их над красотами других стран, мы тут, в Моравии, хотя тоже стоим навтыяжку из уважения к чехам и словакам, но ждем своей паузы. А дождавшись, молчим и про что-то думаем.

Большей частью про что-то хорошее, однако не выкрикиваем свои мысли, не выражаем их музыкальными звуками, а оставляем в себе».

Моравия дала чешской культуре великого педагога Яна Амоса Коменского, великого историка Франтишека Палацкого, великого политика, «отца» чехословацкой государственности Томаша Гаррига Масарика. Особенно значителен ее вклад в чешскую поэзию XX века: Отокар Бржезина, Иржи Волькер, «эпикурец» Витезслав Незвал и его трагический антипод Франтишек Галас, Йозеф Кайнар и Ольдржих Микулашек. Галас был поэтическим учителем Скацела, Кайнар и Микулашек — его друзья и старшие поэтические собратья.

---

¹ Чешский и словацкий национальные гимны. (Здесь и далее — прим. автора статьи.)

Писать стихи он начал в годы второй мировой войны. За многократные попытки уклониться от «тотальной» трудовой повинности гитлеровцы отправили его на работу в австрийские Альпы, где сооружались туннели для подземных заводов. Трудовой лагерь мало чем отличался от концентрационного. И Скацел, сознавая, что свойственная поэзии метафоричность помогает обходить цензурные препоны, решил посылать родным вместо писем стихи. Несколько лет спустя нуждающийся студент, помышляющий скорее о прозе, чем о поэзии, послал одно из своих старых стихотворений в краевую коммунистическую газету «Ровность» («Равенство»). Оно попало в руки редактора литературной рубрики Ольдржиха Микулашека, и тот чуть ли не силой затащил упирающегося новичка на Олимп, а заодно — и в редакцию «Ровности».

В 1952 году эту редакцию фактически разогнали за «троцкистские» и иные грехи. Скацел поступает на завод точного машиностроения и на два года возвращается в хорошо знакомую ему рабочую среду. Но все тот же Ольдржих Микулашек сначала тянет его за собой на брненское радио, а затем уступает ему редакторское кресло в журнале «Гост до дому».

Подчас работа в газете и на радио приводит поэта к тому, что он начинает писать статьи, репортажи и даже фельетоны в стихах. У Скацела, пожалуй, получалось наоборот: журналистская работа поглощала его настолько, что стихам он отдавал лишь слова, созревшие в молчании. В 1967 году Антонин Ярослав Лим записал такое его высказывание: «Поэзия страшно меня притягивает и одновременно вызывает во мне отвращение... Я боюсь, что в результате широчайшего развития современной поэзии в поэтическом труде ослабеет сопротивление материала. Для поэта материал — слово... Кроме того, как страстный читатель я охотнее читаю, чем пишу, и меня наполняют ужасом кубометры печатного текста. Ничто так не угнетает, как полки большой библиотеки...»² Боязнь словесной инфляции заставляла Скацела добиваться максимальной нагрузки на слово, выделять поэтическую фразу смысловыми и ритмическими перебивками. Его поэзия — это поэзия, полная пауз. Поэзия сосредоточенная.

Едва ли не все, кто писал о нем, сравнивали его стихи с китайской и японской живописью. Эту связь, видимо, ощущал и сам поэт, включивший в сборник «Час между псом и волком» (1962) стихотворение «Что советует принцесса Чау». А советовала она «девушкам и читателям стихов» больше всех доверять тому, кто «сидит перед вами молча, как устрица перед губернатором».

---

² Antonín J. Liehm. *Generace*. Köln, 1989. S. 264.

После событий 21 августа 1968 года Скацел демонстративно не захотел войти в новый, политически «профильтрованный» Союз чешских писателей. Тринадцать лет стихи его не печатались в Чехословакии. Новые циклы распространялись в «списках». Даже когда в 80-е годы сборники Скацела наконец начали выходить на родине поэта («Давнее просо», «Надежда с буковыми крыльями»), некоторые четверостишия из самиздатовских циклов «опускались».

В последних своих книгах «Отпечатки в утраченном воске» (1984) и «Пьющий впотьмах вино» (1988) Скацел как бы заново опробывает свою поэтическую клавиатуру. Горожанин по культуре и широте интересов, поэт всегда оставался в душе селянином. Капилляры его поэзии наполнены соками моравской деревни. В его стихах городской пейзаж все чаще уступал место деревенским впечатлениям, запавшим в душу с детства. Одновременно все явственней обнаруживалась связь Скацела с фольклорной традицией и поэтами-классиками, творчество которых было вскормлено ею (Карел Яромир Эрбен, Йозеф Вацлав Сладек). В последних книгах Скацела эта «деревенская» струя, восходящая к народным песням, сказкам и балладам, представлена стихами, достигающими классической легкости, глубины и прозрачности. И вместе с тем он постоянно обновляет традицию и даже иронизирует над ней, нарушая высокий поэтический антураж намеренной прозаизацией. Трагический опыт недавних десятилетий отразился в таких стихах, как «Запрещенный человек» и «Те, кто запретил самих себя». Лейтмотивами этих книг становятся тема смерти и тема неистребимой человечности, которая помогает поэзии пройти «через игольное ушко» среди тьмы и бойни.

Поэт, пользующийся широким признанием на родине, издавался и за ее рубежами. Книги его выходили в ГДР, Италии, ФРГ. За полгода до смерти ему была присуждена премия Петрарки — высшая поэтическая награда ФРГ. Русскому читателю Скацел практически неизвестен. Стихи из двух последних сборников поэта и прозаические миниатюры, составляющие нашу подборку, по сути дела, представляют его нашей читательской аудитории впервые.

Девять поэтических сборников, книга прозаических миниатюр, четыре небольшие книжечки для детей — это все, что оставил нам Ян Скацел. Казалось бы, не так много за полвека жизни в литературе. Зато написанное им останется надолго, ибо его жизнь и его книги — пример нравственной бескомпромиссности, творческой честности, бережного отношения к слову.

О. МАЛЕВИЧ

Стопятидесятый сонет о весне

Хрупкою весною
свет напоминает
ломок и непрочен
рожки улиток

травы так курчавы
листочки в кулечки
собраны тугие
утро бесконечно

целый день продлится
и до поздней ночи
на ветке зацветшей

черный дрозд меж капель
распевает громко
словно сумасшедший

Перевод А. Кушнера

Кто в скрипочку войдет

Не бойся ничего не бойся
душа невзгону переждет
и человек всегда найдется
который в скрипочку войдет

Дни ясные на этом свете
сменяются ненастным днем
в конце концов мы успокоясь
все в гроб как в скрипочку войдем

Ах скрипка скрипочка такая
знакома с детства нам с тобой
смычком над примулой помятой
застыл кузнечик луговой

Награда

Любому все иметь позволь
и то
чего он не имеет
что променять он не посмеет
продать за ласку или боль

Должник просроченной вины
дорожник бархатной дороги
нелепый леший из берлоги
как небо звезды — свои сны
над долами родной страны

неси покуда держат ноги

Песня

Щавель у тракта
вековой
ромашки
запах луговой

Дневного солнца
львиные лапы
и даль
ободранная как бы

И стародавняя
память кладки
где ветер в риге
поет украдкой

В лиственной роще
к лета исходу
кукушки
считают годы

Дикие гуси
тянутся клином
крик растеряв
по долинам

Ты лишь послушай
что речкой этой
нам говорится
и сам не сетуй

Кукушкины слезки
под белой пылью
и ласточек
черные крылья

Ты этой песни
знаешь слова
но где ту песню
скрыла трава?

Она зарыта
На скрещенье
двух рек
За наши прегрешенья

Бессмертники

Леса в мученьях за рекою
роняют порванный наряд
и скоро клином отлетят

Боимся словно быть одни мы
в лугах подмоченных тоскою

Бывает жутко нам увы
от пожней святостью повитых
и бледных хрупких ядовитых

бессмертников среди травы

Краткое описание лета

Пожары Лето выжжено окрест
Дурманяще цветут акаций рощи
на виноградниках душа вина томится
и дикий мак в хлебах кровотоцит

Приходит мрак
серебряным мостом луна крадется

Мир словно хлеб что вытасчен из пёчи
А ночь его съедает

Без названия

И бабье лето словно нить
седая долгая Ее ли
с подола лета отпороли
чтоб нас к раздумию склонить?

В просторах пахнущих дымком
прощаясь с обманувшим летом
мы тишину вдеваем эту
в иглу со сломанным ушком

Перевод А. Пурина

Расстилая постель

Вечером когда кровать ты стелешь
молча я стою в ее ногах
думая кто нам постелет ложе
самое последнее впотьмах

есть у нас на глиняное право
горькая отраднa эта мысль
нас никто лишить его не может
думаю на спинку опершись

Перевод А. Кушнера

Слова

Выпрошенных в последний момент
продержавшихся до конца
кажется нам и хватит

Скажи мне
сколько их потребует стих
чтобы впору ему пришлось

А сколько камешков ляжет в ладонь ребенка
и сколько в страждущий рот

Целый день разбрасывал ты слова
чтобы к вечеру хватило на стихотворенье

Кто-то идет следом и подбирает

Перевод А. Пурина

Молитва за воду

Все меньше мест куда ходила по воду
красавица былых времен
где лани пили где жила лягушка
где путники склонялись низко
чтобы напиться из ладоней

Вода об этом вспоминает
вода прекрасна
у воды
блестят распущенные волосы
храните воду не давайте
ослепнуть зеркалу старинному

К ней приведите жеребенка
коня как полночь вороного
вода печальна
у воды
блестят растрепанные волосы
кто к ней на дно теперь нырнет
к пушистым звездам за колечком

Вода печальна у воды
как у вдовы
посыпанные пеплом волосы
вода по нам истосковалась

Перевод А. Кушнера

Из книги «Пьющий впотьмах вино» (1988)

Путы

Детство что было моим когда-то
только из снов еще воровато
тянется словно обрывки пут
ждет: как веревочку оборвут

Мудрым осознанный опыт нажит
он ту веревочку не развяжет
он среди взрослых страстей и смут
не перерубит прекрасных пут

Перевод А. Кушнера

Испытываю жалость

Дни в сентябре
прозрачны и резки́
на алтаре
его золотое тело

И ослик за листвой
скрываясь на год целый
похоже до сих пор
спасителя несет

И всюду тишина
и дождь зарядит вскоре
зайчишек мокрых
дрожь возьмет в лесу

Грозит им пулей
борозда любая
испытываю жалость —
ergo sum ³

---

³ Значит, существую (*лат.*) — *Прим. перев.*

Перелеты

Как будто валуны на гладких плитах вод
противятся теченью эти утки
и капля конской крови в поле сохнет

Лишь начался обратный перелет
и на пути к нам трепетные крылья
И внешней тишины утрачен вес

Ночи и дни Калитку за тобой
кто затворит последнюю и лаской
шмыгнет по следу хищный ветерок

Дней страхолом не ведает конца
всю исчеркав окрестность
тьма не тает
Из глины тьма растет растет из глины тьма

Пьющий впотьмах вино

Всю ночь ожидает ангела
который грехи измерит
и верит — ангел поверит

Ангелы между тем
(трое по крайней мере)
мнутя медлят у двери
придумывая порог

Перевод А. Пурина

Острова

Надежду разбудив и с нею боль
ночь наизнанку выворачиваем
под звездным небом раздеваем тьму

И если б материк пошел ко дну
надежды нашей
и отошли бы с ним и вы едва видны

Отчаиваться ни к чему

Из моря времени всплывут за нами следом
для новых тонущих другие острова

Те, кто запретил самих себя

Найдутся и такие кто расхочет
быть узеньким как скважина замочная
и пойманы на яблонях и грушах
не слишком соблазнительных
через забор спастись не захотят

Не слезут с веток но закинув голову
на дереве застрянут навсегда
к чужому небу чуточку поближе

И можно будет видеть их сквозь ветки
когда листва с деревьев упадет

Естествознание утрат когда-нибудь
их упомянет как бы с сожаленьем
и строгой редкостью
вспоминанье о вспоминанье
отложится в беспмятстве вселенной

Мир есть яйцо

Желток в нем время выгрызло хорьком
и усики белком облепленные
двумя полосками свисают по бокам

Посещения

Приходят к нам нервные лани на двор
головы низко склоняя красивые

Запахи ужас на них нагоняют
пробуют страх языком словно соли валун

С бьющимся сердцем глядят в наши сны
звездное сено горячее тащат с небес

Тихо уходят оставив в дворовой пыли
четкие отгиски острых копытец

Лани сердитые нас посещают
топчутся долго уходят от нас поутру

Запрещенный человек

Все что имею
внутри обращено
как галстуки на дверце шкафа

Я привыкаю к тишине

Из грязи перышко подняв
не уроню

Рассказываю что-то сам себе
и песенку пою
о том что ночи созданы для боли
душа для испытаний

Неслышен я как свет

Подробностями занят тишины
и страх на ощупь подрезаю

Чужой и свой

А потому слепые оглянувшись
меня своим признают

Через угольное ушко во тьме пройдем

Перевод А. Кушнера

*Сонет о смерти Дон Кихота
написал Санчо Панса оруженосец*

В печали Санчо плачет Дульцинея
гогочет за оградой подлый сброд
Христос раскрой нежнейшие объятия
к тебе идет твой рыцарь Дон Кихот

Пусть меч лежит в небесном гардеробе
седло хранится среди ночных светил
от ржавчины спаси тот шлем тяжелый
что тазиком цирюльнику служил

Он бился за свободу птахи пленной
за честь и доброту во всей вселенной
ну и дела! — народ дивился вслух

в борьбе с неправдой не было достойней
а нынче под ножом на главной бойне
бедняга Росинант испустит дух

*Сонет о плевании с моста в воду
написал Псевдол раб*

Есть вещи о которых думать стыдно
и времени на это негде взять
чем наплевать на собственную душу
уж лучше с моста в воду поплевать

Как тихо над бесшумною рекою
как хороша бегущая вода
и свешиваясь вниз через перила
могу шептать: спешишь ты но куда?

Река и мост хвалы достойны равной
смотрю вослед как мой плевочек славный
плывет себе и к морю держит путь

Гляжу на воду нежно и без гнева
свой хлеб я ем свои пою напевы
они просты хлеб черств не обессудь

Перевод А. Пурина

Маленькие рецензии

Арфа в снегу

За несколько дней до Рождества я сочинял письмо младенцу Иисусу. Или, быть может, Деду Морозу, уж и не знаю, — мальчику, который меня об этом попросил, было все равно.

Для мальчика не важен был адресат, главное — суть заказа. Письмо имело чисто коммерческий характер. Я заказывал (с доставкой на дом) скрипку и барабан, игрушечный автобус, Кашпарека ⁴ и ширму для кукольного театра. В свою очередь от имени клиента я предлагал чистые уши, обещание целый год хорошо себя вести (а ведь год — срок немалый!) и по вечерам пить рыбий жир. Кончив письмо, я вспомнил собственные рождественские пожелания за все прожитые мною годы — и мне стало грустно.

Я жил тогда на свете всего года три и к Рождеству попросил арфу. Интересно, что арфу я хотел не для того, чтобы дрынькать на ней и напевать, как царь Давид, а чтобы уложить ее спать. Как-то я услышал колядку, в ней, как в колыбельной, пелось: «Лебедь моя и лютия моя, соловушка мой, спи-усни, арфа моя драгоценная, сыночек мой».

Вместо арфы я получил ботинки. Вернее — детские башмачки.

Потом мне было шесть лет, падал снег, и я мечтал о золотой, как у пожарников, каске. Но получил муфту.

В восемь лет ребенок становится мужчиной — мне был до зарезу необходим пулемет.

Десятилетнему, мне положили под елку вместо собрания сочинений Карла Мая ⁵ сказки Карела Яромира Эрбена ⁶. Они у меня сохранились до сих пор. Впервые я прочитал их, когда вернулся с действительной.

В двенадцать я мечтал о самой прекрасной женщине на свете. Я знал, где она живет. Они этого не знали и одарили меня полосатой пижамой.

С той поры переменялось все: и деревья, и облака, и певчие дрозды. Я поумнел, а возможно — поглупел, желания мои стали скромнее, зато я не так часто разочаровываюсь. Где-то в ящике моего стола лежит портсигар, у меня дюжина галстуков, кальсоны, которые я ни разу не надевал, даже одна кожаная перчатка с левой

---

⁴ Чешский Петрушка.

⁵ Карл Май (1842—1912) — немецкий писатель, автор приключенческих романов.

⁶ Карел Яромир Эрбен (1811 — 1870) — чешский поэт, историк, фольклорист.

руки. Но с того рокового Рождества, когда мои мечты обрели настолько разумный характер, что стали осуществимы, само Рождество утратило для меня все свое очарование. А потому, когда недавно я сочинял для мальчонки коммерческое рождественское письмо-заказ, в моей душе зародилось и, как кипарис, выросло до самого неба страстное желание. Я хочу арфу, положите мне в этом году под елку арфу. Лучше всего золотую, а струны могут быть и серебряные.

Вы задолжали мне арфу. Таковую, чтобы ее можно было уложить спать.

Маленькая рецензия на падение Икара

Пейзаж с падением Икара (эта картина Питера Брейгеля Старшего хранится в Брюссельском Королевском музее) написан темперой. Размеры полотна 73,5×112 сантиметров. Тютелька в тютельку! На картине мы видим небо, море, землю, горы, солнце, три корабля, одного пахаря, пастуха, собаку, стадо овец и две Икаровы ноги.

У меня дома есть репродукция этого произведения Брейгеля, я часто вынимаю ее из папки и с удовольствием разглядываю. Занятие это приятно и глубоко поучительно.

Мне нравится, что художник всему нашел на картине подобающее место. Даже внимательному зрителю отнюдь не с первого взгляда удастся обнаружить несчастного Икара. Он совсем неприметен в правом углу картины. Художник изобразил Икара в момент, когда тот, наглотавшись соленой воды, пускает пузыри, а потому, как уже было сказано выше, видны только две его болтающиеся в воздухе ноги.

И создается впечатление, будто падение Икара осталось незамеченным. Его трагедия не заинтересовала ни пахаря, сосредоточенно вышагивающего за плугом в центре картины, ни пастуха, который в эту минуту считает ворон. (Должно быть, это сказано грубовато, но так уж принято в моем родном краю.)

Я забыл еще про рыбака. У того в миг падения Икара «клевал», и хотя бедняга тонет вниз головой совсем рядышком, рыбак и бровью не поведет. Солнце как раз опускается в море, у него свои заботы. Корабли спешат к пристани, и моряки думают о женщинах. Деревья вообще ничего не думают, а овечки, опустив головы, щиплют траву и целиком заняты этим полезным делом.

Не знаю почему, но пейзаж Питера Брейгеля Старшего, на котором изображено падение Икара, как-то меня успокаивает. Я могу просиживать над его репродукцией целые вечера. Ибо эта пейзажная идиллия исполнена мудрости и безумцам не уделяет никакого внимания.

Маленькая рецензия на то, что нас ждет и не минует

Когда я наблюдаю жизнь из-за кустарника в своем саду, когда размышляю о том, почему кого-то все минует, а кого-то не минует ничего, мною овладевает подозрение, что боги, ответственные за этот мир и управляющие им, очень похожи на печально известного учителя X, преподававшего перед войной в брненской гимназии историю и географию.

Многие ученики и поныне его не забыли, причем вспоминают с весьма неоднозначными чувствами.

Этот учитель делил учеников на две резко противоположные категории и откровенно в том признавался. Даже говорил вслух, поднимая указующий перст:

— Гимназисты бывают двух сортов. Симпатичные и антипатичные.

Он не только так говорил, но и на практике придерживался своей теории. До самой пенсии.

О том, кто относится к числу счастливых, пользующихся симпатией старого педагога, а кто ему решительно не мил, гимназисты узнавали, когда тот вызывал их к доске. Обычно на уроке географии.

Все становилось ясным уже из заданного вопроса.

А вопрос всегда был один и тот же, вечный и неизменный. Касался он небольшого островка, затерянного в бескрайних водах Атлантического океана, где-то посередине морского пути между мысом Доброй Надежды и Патагонией. Вопрос короткий и острый, как бритвенное лезвие марки «силвер-супер».

— Скажите, молодой человек, сколько сейчас жителей на острове Тристан-да-Кунья?

И когда мы отвечали «двадцать семь», учитель X радостно подскакивал на стуле и объявлял:

— А вот и нет, вчера один утонул во время рыбной ловли.

(Хотя порой на том идиотском острове кто-нибудь рождался, нам от этого было не легче: учитель всегда узнавал о случившемся раньше, чем мы.)

Все это действовало нам на нервы. Смерть посещала остров, названный в честь мореплавателя Тристана-да-Куньи, очень часто — всякий раз, когда у доски оказывался гимназист, относящийся к категории антипатичных. С той минуты судьба его была решена: он знал, что его ждет вплоть до выпускного экзамена, и никакое лихо не могло его миновать.

(Когда же к доске вызывали любимчиков, на отдаленном острове, жители которого пребывали в полном неведении относительно своей судьбы и не подозревали, что вопрос их жизни и смерти решается на уроках географии в одной брненской гимназии, рыболовам сопутствовала удача, море было гладким, как стекло, и не требовало человеческих жертв.)

Бывшие гимназисты часто и во всех подробностях вспоминают уроки учителя Х. Я один из них, но не слишком-то скучаю по господину учителю. С первого класса я знаю, что никогда в жизни ни от чего не увильну, ничто меня не минует. И лишь порой мою совесть мучают те пять несчастных рыбаков с острова Тристан-да-Кунья, в чьей смерти я, по всей вероятности, повинен.

Маленькая рецензия на подсчет паутинок

*Милану Зезуле*⁷

Надо научиться рисовать крылом бабочки, пересчитывать паутинки, искать то, что мы оставили в летней поре: капельки, капли, самую мелкую капель, туманы, облака, пузырьки на воде, ракушки.

За всем этим ходят в лес, как по грибы. Не только в лес, еще и в сказки, в мельничные терема, в сны, в мучные лари, в детство, к осиному гнезду и к старым пням — обиталищам лесовичков. Кое-что можно обнаружить на рассвете, а кое-что в полдень. Кое-что суть явления природы, а кое-что лишь ее флер. Распашонки, пеленки, саваны, клочья свадебных сорочек на ветвях.

Собранное по росе, все это хрупко и боится слов, но такие вещи необходимы людям, чтобы и в минуты забвения не забывать. Надо искать и находить их вовне и в самих себе. Надо со смирением

---

⁷ Милан Зезула (род. в 1921 г.) — чешский живописец, график и иллюстратор.

и добротой помнить о них, чтобы мы сами были добры и смиренны, надо помнить о них, чтобы нам не было так бесконечно грустно.

На этом свете.

Нужно научиться рисовать на хрупком стекле, которое так легко разбивается. А если рисунок упадет наземь, останутся осколки, многие сотни, многие тысячи осколков, разноцветных, радужных, похожих на те, какими любят, глядя в калейдоскоп, дети.

И все это должно быть маленькое, крошечное, едва уместящееся на ладони или еще меньше, совсем неприметное. Настает великая потребность в неприметном.

И пуще смерти да убоимся слов.

Маленькая рецензия на овцу, чтобы она осталась цела

Вполне естественно, что овца из пословицы имеет явную эгоистическую заинтересованность в том, чтобы волк нажрался, а она при этом осталась цела. Кого бы удивило такое стремление бедняжки.

Не должен тому удивляться и волк, которому необходимо время от времени нажраться. Все это оскорбляет наши нежные чувства и представляется весьма неприглядным, однако факт остается фактом: если волк голоден, а поблизости пасется овца, маловероятно, чтобы она осталась цела. Овцу мы потом пожалеем, а на волка обозлимся.

В глазах человека волк выглядел бы куда симпатичней, если бы научился пастись. И овцам бы это пришлось по душе, можно даже надеяться, что они оставили бы ему немного травы. Впрочем, с уверенностью утверждать это не беремся.

Если же мы станем на точку зрения волка, нам придется объективно признать, что просто исключено, чтобы он нажрался, а овца бы при этом осталась цела. Овце же такая точка зрения явно не подходит, поскольку непосредственно затрагивает сам факт ее существования. Словом, прийти к согласию на одной лужайке волк и овца не смогут. Это жестокий, но бескомпромиссный закон. Однако пословицы придумывают люди, и потому в пословицах компромисс возможен. Порой случается — в переносном смысле, — что и волк сыт, и овцы не убыло.

Рассуждение об овце и волке выражает скорее стремление к некоей абстрактной справедливости, чем голую реальность. В

действительности же трудно представимо, да и вообще невозможно, чтобы овца в целостности и сохранности пережила голод волка. И хотя в переносном смысле это порой удается, мы в таком случае, преисполняясь сарказма, произносим вслух известную поговорку.

Такой уж у нас характер.

Настоящая же овца, которая живет не в поговорке, а пасется на косогоре, компромиссов не признает. Да и к чему? Ведь когда наестся овца, волк-то останется цел.

(Все это жалкая философия, да притом еще мы забыли поинтересоваться, что думает трава.)

Жизнь

Всегда меня мучил вопрос, чего я, собственно, жду от жизни; порой казалось — я это знаю, но потом каждый раз выяснялось, что я не прав. Недавно мои раздумья были прерваны: на один вечер мне доверили маленького мальчика, чтобы я за ним присмотрел и не тратил времени впустую, поскольку и так ясно, что ничего толкового я не придумую.

Но именно благодаря такой оказии меня вдруг осенило. (Родители пока сидели в театре и ничего не подозревали.) А случилось это так: прозрение снизошло на меня, когда я спросил своего маленького приятеля, что он хочет на ужин.

Вообще-то, ответил малыш, он не знает, но наверняка что-нибудь другое.

Добрых пять минут я не мог прийти в себя. Потом стал действовать согласно требованиям жизни. Отвесил ему хорошую затрещину и сварил манную кашу. Каша немного подгорела, да что поделаешь — такова жизнь. Что-нибудь другое! И так до самой смерти. От нее мы тоже хотели бы что-нибудь другое.

Мальчонка распустил нюни, тогда я уложил его в постель и прочел из «Книги джунглей» главу о том, как Маугли отправился к обезьянам. Мой подопечный блаженно уснул.

А я подсел к ночному окну и стал глядеть на красивое дерево, которое стояло на улице и не хотело быть ничем иным — только красивым деревом.

Я завидовал всему. Его листьям, ветвям, ветру, музыке в листве и годовым кольцам, образующим круглую дату. Дерево было выразительнее меня.

Перевод В. Каменской

Об авторах

Ян СКАЦЕЛ (JAN SKÁCEL; 1922—1989) — чешский поэт и публицист. Автор многих поэтических сборников, в том числе «Что осталось от ангела?» (“*Co zbylo z anděla?*”, 1960), «Час между псом и волком» (“*Hodina mezi psem a vlkem*”, 1962) и др., а также эссе и книг для детей.

Публикуемые стихи взяты из сборников «Отпечатки в утраченном воске» (“*Odlévání do ztraceného vosku*”. Brno, Blok, 1984) и «Пьющий впотьмах вино» (“*Kdo pije potmě víno*”. Brno, Blok, 1988), прозаические миниатюры — из книги «Одиннадцатый белый конь» (“*Jedenáctý bílý kůň*”. Brno, Blok, 1966) и журнала «Гость в дом» (“*Host do domu*”) за 1969—1970 годы.